

Вяземский и Пушкин в споре о Крылове

1

Спор Пушкина и Вяземского о Крылове начался в переписке в конце 1823 г. Первые аккорды этого спора должны были прозвучать в письме от 4 ноября, где Пушкин просил Вяземского написать предисловие к «Бахчисарайскому фонтану» и где он впервые сообщал ему о работе над «романом в стихах» (Акад. Т. 13. С. 73). Крыловскими словами «а если брать, так брать, не то что и когтей марать» («Вороненок») Пушкин настраивал себя на будущую серьезную битву за этот роман с цензурой. В черновике этого письма сохранился большой фрагмент текста, который в это письмо не вошел:

О Дмитриеве спорить с тобо<ю> не стану, хоть все его басни не стоят одной хоро<шей> басни Крыловой, все его сатиры — одно-го из твоих посланий — [все его песни, мадригалы, оды, элегии] а все прочее [одной] [одного] первого стихотворения Жуковского. Ерм<ак> такая дрянь — [что] мочи нет, — сказки писаны в дурном роде, холодны и растянуты — по мне, Дмитриев ниже Нелединского — и стократ ниже стихотворца Карамзина — любопытно видеть его жизнь не для него а для тебя —

Хорош [русский поэт] poëte de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мне видеть, что все у нас клонится Бог знает куда — ты один бы мог прикрикнуть налево и направо, порастрясти старые репутации, приструнить новые и показать нам<?> путь истины, а ты покровительствуешь старому вралю не на <-----> нами...

(Акад. Т. 13. С. 381)

Не вошел он, очевидно, потому, что Пушкин решил пока не начинать полемику. Но сразу же надо отметить, что спор о Дмитриеве для Пушкина с самого начала означал бы и спор о Крылове.

Он, конечно, знал, что Вяземский написал панегирическое предисловие к шестому изданию сочинений Дмитриева («Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева») еще в 1821 г., что рукопись эта долго *ходила по рукам*, читали и исправляли ее А. И. Тургенев, Жуковский, Карамзин и др. Лишь в конце 1823 г. вышли долгожданные два тома¹.

¹ См.: *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 316—317, коммент. М. И. Гиллельсона.

В петербургских литературных кругах разговоры о предисловии Вяземского имели место еще до выхода издания. В начале октября Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Говорят, на меня гневаются за то, что в биографии Дмитриева не отдаю Крылову первенство. Впрочем, я говорил о нем с уважением. По совести поэтической признаю Дмитриева изящнее. Тот, может быть, прелестнее в ином смысле, но в деле искусства нет прихоти»².

Действительно, Вяземский утверждал в своей «Биографии» Дмитриева, что именно в баснях «завещает он нам славу полную», что «он первый начал у нас писать басни с правильностию, красивостию и поэзиею в слог»³. Перечисляя русских баснописцев — предшественников Дмитриева, от Сумарокова и Хемницера до А. Е. Измайлова, Вяземский говорит лишь об одном последователе, который «так сказать, бороться дерзнул с нашим поэтом, перерабатывая басни, уже им переведенные, и басни превосходные, и мы благодарны ему за его смелость. <...> Но г. Крылов с искренностию и праводушием возвышенного дарования, без сомнения, сознается, что если не взял он предместника (Дмитриева. — *Е. Д.*) за образец себе, то по крайней мере имел в нем пример поучительный и путевода, угладившего ему стезю к успехам. <...> Г-н Крылов нашел язык выработанный, многие формы его готовые, стихосложение — хотя и ныне у нас еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства. Между тем забывать не должно, что он часто творец содержания прекраснейших из своих басен; и что если сие достоинство не так велико в отношении к предместнику его, который был изобретателем своего слога, то оно велико в сравнении с теми, которые не изобрели ни слога, ни содержания своих басен...»⁴

Итак, отдавая Дмитриеву пальму первенства в создании слога и стихосложения русской басни, Вяземский, как видим, считает Крылова талантливым его продолжателем и вместе с тем смелым соперником, который к тому же создавал и новые сюжеты. Впрочем, последнее Вяземский не считал большим достоинством, полагая, что традиции Лафонтена — не «изобретение», а «мастерское изложение».

Вяземский прекрасно знал, что на путь баснописца Крылова подтолкнул Дмитриев еще в 1805 г.: он покровительственно отправил Крылова (уже немолодого литератора, всего на девять лет моложе его самого) в «Московский зритель»⁵.

² ОА. Т. 2. С. 356.

³ *Вяземский П. А.* Соч. Т. 2. С. 67, 68.

⁴ Там же. С. 75—76.

⁵ Подробнее об этом см.: *Вацуро В. Э. И. И.* Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 31—33.

Дмитриев выбрал у Крылова для публикации три басни: «Дуб и трость», «Разборчивая невеста» и «Старик и трое молодых». Все три были переделкой сюжета Лафонтена и уже неоднократно являлись на русском языке в переводах самого Дмитриева, Хвостова и др.

Вяземский знал, конечно, и не очень высокое мнение Дмитриева о басенном стиле Крылова. Дмитриев, поддерживаемый старыми и молодыми друзьями, вообще считал себя носителем образцового слога и вкуса (В. Л. Пушкин: «И в слоге Дмитреву стараюсь подражать»⁶, В. А. Жуковский: «Так Дмитриев, пророк и вкуса и Парнаса»⁷ и др).

Для Вяземского, с молодых лет глубоко почитавшего Дмитриева, он и Карамзин олицетворяли некий поэтический Олимп. В «Послании к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения» 1819 г. Вяземский писал:

Я получил сей дар, наперсник Аполлона,
Друг вкуса, верный страж Парнасского закона,
Вниманья твоего сей драгоценный дар.
<...>
Тебе, о Дмитриев, сулит успехи новы
Свет, с прежней жадностью внимать тебе готовый.
Что медлишь? На тобой оставленном пути
Явись и скипетр ты первенства схвати!⁸

Это «Послание» увидело свет лишь в январе 1823 г. в «Полярной звезде»⁹.

Но было и другое послание Вяземского к Дмитриеву, которое не обратило на себя внимание исследователей и не включено ни в одно из трех новейших собраний стихотворений Вяземского. По этой причине привожу текст с небольшим сокращением:

Ивану Ивановичу Дмитриеву
(В день его именин)

Иваны в списках Аполлона
В чести бывают искони:
Гомер лесного Илиона,¹⁰
Который грациям сродни

⁶ Послание «К В. А. Жуковскому» (1810).

⁷ ««Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»» («На этой почте все в стихах...», 1814).

⁸ *Вяземский П. А.* Соч. Т. 1. С. 93, 95.

⁹ См.: Там же. С. 396, коммент. М. И. Гиллельсона.

¹⁰ К этому стиху в журнальной публикации сделано примечание: «Речь о Лафонтене».

И, как другой похвал дурманом,
Век ослеплен был простотой,
Слыл в людях запросто Иваном
И беззаботной головой.

Его собрат и соимянный,
Хемницер вслед за ним пошел
И, строгих муз беспечный данник,
На славу по цветам набрел.
В залог прекрасных упований,
К чете любезной ты причтен
И скоро в храме дарований
Иваном третьим наречен.

«Живи, счастливый их наследник! —
Тебе сказал Парнасский жрец. —
Изящного будь проповедник
И вкуса светлый образец!
На лире сладостной и звонкой,
Поэт ума и красоты,
Искусства, вежливости тонкой
У русских муз возрасти цветы...»

Пророк был прав! с четою славной
Ты славно поддержал союз,
И праздник твой есть праздник равный
Для ближних, сограждан и муз.
О, насладись закатом поздным
В отраду общих их надежд
И будь всегда *Иваном грозным*
Для всех зоилов и невежд!

Это послание было напечатано в конце 1822 г. в «Сыне отечества»¹¹ и обратило на себя внимание современников. А. И. Тургенев нашел его «прелестным»¹². Возможно, Пушкин тоже его заметил, и вряд ли оно ему понравилось. Ведь Вяземский, перечисляя трех Иванов, трех баснописцев — Лафонтена, Хемницера и Дмитриева, — не упомянул еще одного, может быть, самого популярного в России, и тоже Ивана, поздравить которого с днем именин было бы здесь весьма уместно. Вяземский не сделал этого подчеркнуто или без умысла — трудно сказать. В позднейшей (1876) «приписке» к «Известию о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» Вяземский вспоминал: «Когда-то,

¹¹ СО. 1822. Ч. 82, № 48. С. 82—83; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 3. С. 262—263 (здесь по сравнению с журнальной публикацией отсутствует строфическое деление).

¹² ОА. Т. 2. С. 282.

в Иванов день, написал я куплеты в честь именинника Дмитриева. В этих стихах упоминаю кстати о тезках его: Иване Лафонтене и Иване Хемнице. А зачем не упомянули вы и об Иване Крылове? строго и грозно допрашивает меня мой литературный следственный пристав (т. е. Булгарин. — *Е. Д.*). — Не упомянул я о живом Крылове в похвальном приветствии живому Дмитриеву по той же причине, по которой не стал бы выхвалять красоту живой соперницы в мадригале красавице, перед которою хотел бы я полюбезничать»¹³. Конечно, объяснение Вяземского через 50 с лишним лет звучит достаточно нелепо.

Вяземский не любил Крылова с молодых лет. Определенную роль в этом сыграла позиция Дмитриева, которого Вяземский считал непрекаемым авторитетом. Крылов был для Вяземского «беседчиком», и ему, безусловно, не нравились славянофильские и антилиберальные басни, изданные в 1811 г. и читанные на заседаниях «Беседы»: «Листы и корни», «Червонец», «Воспитание льва», «Конь и всадник», «Безбожники», «Водолазы», «Бочка»¹⁴. Особую неприязнь вызывали у него две басни: «Огородник и философ» и «Сочинитель и разбойник». Об этом Вяземский высказывался неоднократно¹⁵. В письме к Тургеневу в январе 1824 г. он писал, что последняя басня ему «всегда была тошна»¹⁶.

Вряд ли Вяземский сочувствовал и военно-патриотическим басням Крылова «Ворона и курица», «Волк на псарне», «Обоз», «Кот и повар» и др. После победы над Наполеоном и укрепления авторитета России в европейской политике Вяземского волновали другие проблемы. Он опасался самодовольного роста шовинистических настроений. Уже в конце 1819 г. он резко осуждает М. Ф. Орлова за критическое отношение к «Истории» Карамзина: «...он (Орлов. — *Е. Д.*) сердится на Карамзина за то, что он вместо “Истории” не написал басни, лестной родословному чванству народа русского. Я с ним воевал за это и верно не ласкал его. <...> Песня, которую он заладил о могуществе русском, доказывает только, что он о России пишет по соображениям ума; он видит великана и слышит, что пекутся о развитии нравственной силы этого Соловья-разбойника. <...> Что же за власть ума, что за владычество просвещения, если этот труп может наложить руку на Европу

¹³ Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 85.

¹⁴ См.: *Альшиуллер М. Г.* Крылов в литературных объединениях 1800—1810-х годов // Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 174—187.

¹⁵ В письмах к А. А. Бестужеву, А. С. Пушкину и в Записных книжках (см.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 180—181, 322—323).

¹⁶ ОА. Т. 3. С. 5.

живую! Я первый скажу: Франции, если спросили бы меня, кому хозяйничать в Европе: ей или России в нынешнем ее положении»¹⁷.

Эта антипатриотическая тирада в письме к Тургеневу диктовалась именно нелюбовью Вяземского к громким патриотическим утверждениям о силе и могуществе России. Вяземский полностью разделял историческую концепцию Карамзина, его умеренные либеральные идеи («не формы важны, а люди»), верность духу просвещения. В своей речи 5 декабря 1818 г. в собрании Императорской Российской академии Карамзин еще раз сформулировал: «...язык и словесность суть не только способы, но и *главные* способы народного просвещения <...>. Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут; читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения»¹⁸.

Для Вяземского защищать подобную позицию Карамзина всегда было важнейшим делом. Отсюда его постоянное желание вступать в полемику с критиками Карамзина. Таково его «Послание к М. Т. Каченовскому» 1820 г. Карамзин был недоволен этим «Посланием». Он вообще не хотел появления его имени в литературных полемиках. А Дмитриев, напротив, был в восторге. Он, не принимая сам участия, очень любил полемики¹⁹, и Вяземский отлично знал это. Он всегда стремился лишний раз упомянуть, похвалить Дмитриева, даже, может быть, преувеличивая его литературные заслуги. Дмитриев был, как отмечал Ф. Ф. Вигель, «патриархом» московских литераторов, и, конечно, они прощали ему его «раздражительность и маленькое тщеславие». К тому же Дмитриев воспринимался молодыми литераторами как «друг и брат» Карамзина, «и долго они сияли Москве, как созвездие Кастора и Поллукса»²⁰.

Дмитриева Вяземский хвалил открыто, а Карамзина — несмотря на его недовольство. Он старался никогда не упустить случая защитить своего духовного учителя от нападков низких «зоилов». Так, в статье «О новых письмах Вольтера» 1819 г. он негодует на современных французских критиков, которые в своих «нелепых ругательствах» по адресу Вольтера ополчаются «против успехов человеческого разума» и видят «подлость в пристрастии сограждан его к нему». «...Может быть, и у нас, — замечает Вяземский тут же, — отыщется проницательный дальновидец, который откроет пристрастие в приверженности про-

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 347.

¹⁸ Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 169, 173.

¹⁹ См.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 35—39.

²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 302.

священных наших сограждан к Карамзину, свидетельствующему перед Европою об успехах ума в России»²¹. Для Вяземского Карамзин, как и Вольтер, — символы просвещения. Вяземский, несомненно, имел в виду конкретного русского «проницательного дальновидца», хулителя Вольтера и Карамзина — Каченовского.

Далее в статье Вяземского мы читаем, что «неслепые ругательства» хулителей Вольтера могут отчасти быть оправданы «обиженным самолюбием» или «ослеплением зависти», «но где найти оправдание для нашего современника, который охотою идет оспаривать у Вольтера славу, уже на незыблемом основании утвержденную судом народов и потомства. Там на невежестве отражался по крайней мере пламень личной ненависти: здесь оно сияет во всем своем мраке. Там грешила совесть, а здесь грешит рассудок, и в этом случае едва ли не скорее можно отпустить грехи совести! <...> Ум Вольтера не принадлежит, как ум иных писателей, исключительно своему отечеству: он и всемирный, и единственный»²².

Можно полагать, что этот «наш современник», как и «проницательный дальновидец» Каченовский, тоже был для Вяземского конкретным русским лицом. Обличая невежду, оспаривавшего «славу Вольтера», Вяземский вполне мог иметь в виду И. А. Крылова.

Еще в 1817 г. Крылов прочел на торжественном собрании Публичной библиотеки басню «Сочинитель и разбойник». В том же году он напечатал ее в отдельной брошюре «Три новые басни».

В этой басне «славою покрытый сочинитель», вселяющий «безверие» и «разврат», все это «величал просвещением», и «целая страна», по учению этого сочинителя, «раздорами и мятежами» была доведена «до погибели». Всем было понятно, что речь шла о просветительской идеологии и последовавшей затем Французской революции. Н. И. Греч в одной из заметок 1819 г. вспомнил «Орлеанскую девственницу» Вольтера, вызывавшую в публике либо «глупый смех», либо «негодование». «В этом случае, — замечает Греч, — можно было сказать Вольтеру словами нашего Крылова:

...уже твои давно истлели кости,
А солнце разу не взойдет,
Чтоб новых от тебя не осветило бед.
Твоих творений яд не только не слабеет,
Но, разливаясь, век от веку лютееет...»²³

²¹ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 66.

²² Там же. С. 66—67, 68.

²³ СО. 1819. Ч. 54, № 22. С. 137. См. также: *Кеневич В. Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 177.

Прочитывал басню Крылова «Сочинитель и разбойник», Греч тем самым связал ее персонажа с Вольтером.

В литературных кругах это, конечно, было подхвачено. Вяземский, регулярно читавший «Сын отечества» и готовивший для этого журнала свою статью «О новых письмах Вольтера», разумеется, не пропустил этого замечания Греча. Статья Вяземского, как известно, застряла в цензуре и так и не попала в журнал Греча. А. И. Тургенев рассказывал в письме к Вяземскому от 30 апреля 1819 г., что он имел «сильную схватку» с цензором Яценковым. Тот требовал, чтобы «автор сказал о вреде, нанесенном Вольтером нравственности и религии, и умерил похвалу ему». Несмотря на убеждения Тургенева, цензор остался «при своем мнении, то есть при мнении, как он полагает, правительства»²⁴. Мнение автора «Сочинителя и разбойника» в данном случае совпадало с точкой зрения цензора и правительства.

Вяземский, естественно, был другого мнения. Но высказать его печатно у него не было возможности. Из переписки современников мы знаем, что басня «Сочинитель и разбойник» воспринималась именно как антивольтеровская, а Вяземский считал ее «подлой» и видел в ней «угождение нынешнему мнению»²⁵.

Не сомневался в антивольтеровском пафосе басни Крылова и А. И. Тургенев. Рассказывая Вяземскому в письме от 20 / 8 ноября 1825 г. о чтении в Париже басни Фабра о японском самодержце, выбравшем для прощения фальшивомонетчика, а не лгуна, искажающего нравственность людей, Тургенев заметил: «Мысль напоминает басню Крылова о Вольтере»²⁶.

Во Франции в это время в литературных кругах проявлялся известный интерес к русской литературе. В числе произведений, включенных в «Русскую антологию», изданную в 1823 г. Дюпре де Сен-Мором, была и басня Крылова «Сочинитель и разбойник», переведенная Ксавье де Местром. В рецензии на эту «Антологию» критик либеральной «*Journal de Paris*» Баур-Лормиан упрекал Крылова за выпады против Вольтера. Составитель «Антологии» Сен-Мор утверждал в предисловии, что большая часть переводов была просмотрена русскими авторами. Крылов был в их числе и, будучи доволен своими переводами, сказал ему: «...если иногда дух вашего (т. е. французского) языка и заставлял вас при переводе отклоняться от моих выражений, то, говоря по истине, вы никогда не отдалялись от моих мыслей»²⁷.

²⁴ ОА. Т. 1. С. 224.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 5.

²⁶ Там же. С. 135.

²⁷ См.: Бычков А. Ф. О баснях Крылова в переводах на иностранные языки // Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1869. С. 84—85.

Как видим, Крылов был вполне согласен с тем переводом «Сочинителя и разбойника», который позволял интерпретировать басню как антивольтеровскую. А. И. Тургенев писал Вяземскому по этому поводу: «Читал ли в “Journal de Paris” 2 janvier 1824 статью об “Антологии” Сен-Мора? Мейстер собирается отвечать и оправдывать Крылова. Он посадил в котел Вольтера, а не Крылов. Умница наш был осторожнее»²⁸. В антивольтеровском смысле басни Тургенев при этом не сомневался.

Вяземский очень внимательно следил за творчеством Крылова. Он получал все издания басен, а иногда даже просил переписать для него некоторые тексты. В частных письмах он высказывался о Крылове хотя и осторожно («уважаю и люблю как остроумного писателя»), но подчас и с большой долей негодования по поводу преувеличения его литературных заслуг. Так, в письме к А. А. Бестужеву 9 марта 1824 г. Вяземский писал: «...Крылова ценю выше казенной оценки так называемых его почитателей. Чему большая часть из них дивится в нем? Что выдало ему открытый лист на общенародное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству. У всех на языке: “А философ без огурцов!.. Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на слона” и шутки подобные, да вот и все»²⁹. Как видим, Вяземский прежде всего цитирует ненавистную ему антипросветительскую басню.

В позднейшей «приписке» к статье о Дмитриеве (о которой уже шла речь) Вяземский говорит, что у него сохранилось «несколько заметок, в разное время набросанных о Крылове»³⁰. В этих заметках Вяземский прямо формулирует, отчего ему было «тошно» читать некоторые басни Крылова: «В Крылове не люблю *мотива*, направления, морали или заключения некоторых из басней его»³¹. Далее речь идет о двух баснях: «Сочинитель и разбойник» и «Огородник и философ». Несмотря на все оговорки об отдельных «удачных» стихах и пр., Вяземский видит в этих баснях «тенденцию», и она ему не нравится: нельзя отдавать «преимущество разбойнику перед сочинителем», «не рано ли у нас смеяться над философами и теми, которые *читают, выписывают, справляются*, как указано в басне»³². Именно за антипросветительские тенденции в этих (и других) баснях Крылова не любил Вяземский этого баснописца.

²⁸ ОА. Т. 3. С. 3.

²⁹ Цит. по: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 322.

³⁰ Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 90.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 91.

Молодого Пушкина, бегло похвалившего Крылова в черновом письме к Вяземскому в ноябре 1823 г. в противопоставление Дмитриеву, очевидно, эти тенденции не смущали. Однако спорить с Вяземским о Дмитриеве Пушкин тогда не захотел и не включил антидмитриевскую тираду в вышеупомянутое письмо. Не состоялся и спор о Крылове. Черновик этот Пушкин использовал только в следующем письме через четыре месяца. При этом он значительно сократил отрицательную оценку Дмитриева и прибавил в упрек Вяземскому маленький выговор за «унижение» Крылова.

2

8 марта 1824 г. Пушкин писал: «“Жизни Дмитриева” еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры одного из твоих посланий, а все прочее первого стихотворения Жуковского» (Акад. Т. 13. С. 89).

Что имел в виду Пушкин, начиная одновременно спор о Крылове и о Дмитриеве? К этому времени он еще не прочитал «Жизни Дмитриева», то есть предисловия Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». Ему пока известна только статья Вяземского «Замечания на “Краткое обозрение русской литературы 1822 года...”», напечатанная в «Новостях литературы» в 1823 г.³³ Статья эта была направлена против Булгарина, в ней оспаривалось мнение Булгарина о слабости русской литературы и говорилось о ее потенциальных возможностях. Пушкин нашел ее «лучшей» из полемических статей Вяземского. Но о Крылове и Дмитриеве там ничего не было.

Может быть, Пушкин уже прочитал в № 2 «Литературных листков» за 1824 г. критические замечания Булгарина на «Стихотворения Дмитриева» с предисловием Вяземского. Булгарин, похвалив Вяземского за «глубокое познание света и много полезных истин», упрекал его в том, что «для похвалы отличного поэта, блестящего собственным неоспоримым достоинством, не надлежало бы унижать дарований его предшественников или современников, писавших в одном с ним роде. <...> Что касается до мнения автора о заслугах и дарованиях И. А. Крылова, то мы осмеливаемся сказать, что находим оное слыш-

³³ НЛ. 1823. Кн. 4, № 19. С. 81—92.

ком строгим и даже пристрастным. <...> Слог И. А. Крылова совершенно *различный* (то есть отличающийся от слога Дмитриева. — *Е. Д.*); рассказ нимало не *сходствует*; план басен Крылова оригинальный, а язык его есть, так сказать, возвышенное простонародное наречие, неподражаемое в своем роде и столь же понятное и милое для русского вельможи, как и для крестьянина. Прибавим к тому *вымысел*, печать гения, и мы решительно можем сказать, что И. А. Крылов есть первый *оригинальный* русский баснописец по изобретению, языку и слогу. <...> ...слог И. А. Крылова изображает простодушие и вместе с тем замысловатость русского народа; это — русский ум, народный русский язык, облагороженный философией и светскими приличиями»³⁴.

Обратим внимание на слова Булгарина «не надлежало бы унижать». Такими же словами упрекает Пушкин Вяземского в процитированном выше письме: «...грех тебе унижать нашего Крылова».

Вяземский получил этот номер «Литературных листков» по крайней мере 14 февраля. Он писал Тургеневу: «Булгарин лжет на меня, как на мертвого. Докажу ему, что лев хотя и убит во многом, но еще не окошел»³⁵. Тут же появляется его ответ Булгарину в «Сыне отечества», где Вяземский пишет: «Замечательно кажется мнение мое о заслугах и дарованиях И. А. Крылова *строгим* и даже *пристрастным*. Жалею, что и *один* читатель мог столь неверно изъяснить мои чувства к знаменитому нашему поэту. <...> В сем «Известии» я не судил и не мог кстати судить о достоинстве И. А. Крылова. <...> ...об И. А. Крылове упомянул только в общем его отношении к сопернику. Замечательно угодно было сказать за меня, что, по моему мнению, *должны мы И. А. Крылова благодарить только за то, что он дерзнул бороться с И. И. Дмитриевым и осмелился подражать ему. Но где это подражание?* — вопрошает он»³⁶.

В этой части «вынужденных слов» полемика Вяземского идет не по существу: он упрекает оппонента в неправильном понимании его позиции. Далее же Вяземский вступает с ним в спор по очень важному для обоих предмету: что есть народный язык, народные характеры и какова роль образованности в формировании литературного языка. Здесь позиция Вяземского достаточно определена: «Признаюсь мимоходом, не понимаю, почему замечательно басни И. И. Дмитриева не кажутся *народными русскими*. <...> Как отыскать печать народности в петухе, в кошке, которые все единоплеменны и единохарактерны у Езопа, Федра, Лафонтена и всех других баснописцев? В басне преимущественно

³⁴ ЛЛ. 1824. Ч. 1, № 2. С. 61—63.

³⁵ ОА. Т. 3. С. 10.

³⁶ *Вяземский П. А.* Несколько вынужденных слов // СО. 1824. Ч. 92, № 14. С. 308—309.

должна быть заключена нравственная истина, общая для человечества, а не местная, личная, условная правда. Можно сказать, что язык одного баснописца имеет более народности или, лучше сказать, более *простонародия*, чем язык другого: это иное дело. Но такая похвала не безусловна, и тут выгоды рядом с недостатками. По мнению моему, каждый хороший русский стих есть истинно *народный русский стих*: язык образованного писателя есть тот, который должен быть присвоен народом. И когда замечатель как будто с упреком сказал, что *слог басен И. И. Дмитриева есть язык образованного светского человека*, он, кажется, ошибся в заключении, им сделанном. Каждый творец изящного, а в особенности автор, должен желать угодить вкусу одних образованных людей: вкус других он обязан воспитывать, причучать к познанию хорошего, и в этом отношении, как гражданин, он содействует по мере сил образованию низших классов общества»³⁷.

Такова была позиция Вяземского в истолковании народности — простонародности. (Позже сходную позицию занял В. Г. Белинский.) Современники Вяземского, вероятно, не всегда воспринимали ее как последовательную гражданскую позицию европеиста. Даже близкие ему по духу А. И. Тургенев и Жуковский не одобрили «некоторых мыслей» в этом «ответе Булгарину»³⁸.

Карамзин, чьи идеи — исторические, государственные, политические и нравственные — лежали в основе гражданской позиции Вяземского, тем не менее был иногда недоволен его статьями. В письмах Карамзина к Вяземскому 1819—1822 гг. неоднократно звучат призывы не раздражать цензуру, не «вольтерствовать»: «Будьте великодушны и притупите жало, оставайтесь при одном остроумии»³⁹. Это сказано по поводу рукописи «Жизни Дмитриева», которую Карамзин безжалостно сокращал. Можно думать, что и неодобрительный отзыв А. И. Тургенева и Жуковского об «ответе Булгарину» был реакцией на гражданскую позицию Вяземского. В том, как Вяземский противопоставлял басенный язык Дмитриева языку Крылова ощущалась некоторая социальная нарочитость.

Какова была позиция Пушкина в этом споре?

В начале апреля 1824 г. Пушкин наконец получил и прочел статью «Жизнь Дмитриева», о которой уже имел известия, и не одобрял ее. О Дмитриеве, мы помним, Пушкин не захотел спорить с Вяземским, но тем не менее высказался о его творчестве достаточно отрицательно (в

³⁷ Там же. С. 310—311.

³⁸ См.: ОА. Т. 3. С. 12 (письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 26 февраля 1824 г.).

³⁹ СиН. СПб., 1897. Т. 1. С. 121 (письмо от 29 декабря 1821 г.).

письме от 8 марта 1824 г., и еще раньше — оскорбительно отрицательно в черновике 4 ноября 1823 г.). Прочитав статью Вяземского, Пушкин заметил: «...все, что в ней рассуждение, — прекрасно. Но эта статья *tour de force et affaire de parti*» (Акад. Т. 13. С. 91). То есть никаких возражений по поводу истолкования Крылова он не высказал, хотя, конечно, увидел ловкость («*tour de force*»), с какой Вяземский, сопоставляя двух баснописцев, показал превосходство Дмитриева, понял, что руководило им в этой позиции «дело партии» («*affaire de parti*»). Пушкин и ранее знал, что для Вяземского Дмитриев и Карамзин — персоны неприкосновенные: первый — «пророк и вкуса и Парнаса», второй — «наш Ливий-славянин», «пример и судия». Поэтому он и не хотел спорить с Вяземским о Дмитриеве.

Благоговейное отношение Вяземского к Карамзину и Дмитриеву и его неустанная защита их от всех «зоилов» были хорошо известны в литературных кругах. Когда Дельвиг в 1824 г. готовил «Северные цветы», именно к Вяземскому он обратился с просьбой «достать две, три пьесы» от «парнасского нашего министра»⁴⁰.

Крылов, прочитав о себе в статье Вяземского, конечно, имел основания для обиды. Булгарин в своих воспоминаниях о Крылове утверждает, что вскоре после выхода этого сочинения и полемики Булгарина с Вяземским (о которой см. выше), Крылов сказал ему: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражил сильных словесников <...>. ...тебе нельзя жить долее в этом приходе. — Через несколько дней на вечере А. Н. Оленина И. А. Крылов прочел новую басню свою, одну из превосходнейших: “Прихожанин”. — Все догадались, что значила эта басня»⁴¹. Так за этой басней утвердилась репутация ответа Вяземскому. Может быть, Пушкин что-нибудь слышал об этом. В этом смысле он и считал Вяземского человеком «партии», причем своего рода *олимпийской партии*.

Сам Пушкин относился к этому *Олимпу* достаточно уважительно, но Дмитриев для него — прошедший этап русской литературы: «Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя В<асилий> Львович» (Акад. Т. 13. С. 91).

Пушкин в это время был захвачен полемикой о романтизме. Только что вышел «Бахчисарайский фонтан» с известным предисловием Вяземского. «Где же враги романтической поэзии? где столпы классические?» — пишет он Вяземскому в том же письме и думает даже «напи-

⁴⁰ См.: Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 284 (письмо Дельвига к Вяземскому от 10 сентября 1824 г.). .

⁴¹ Цит. по: Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. С. 207—208.

сать кое-что о нашей бедной словесности». Стремительная эволюция Пушкина от «Руслана и Людмилы», через «Кавказского пленника» к «Бахчисарайскому фонтану» и началу «Онегина» еще не была осмыслена современниками. Даже таким гением, как Карамзин.

Здесь стоит сказать, что отзывы Карамзина о Пушкине 1820—1824 гг. более чем сдержанные⁴². О неприязненном отношении Дмитриева к творчеству Пушкина уже писалось неоднократно⁴³.

Вяземский, получая от Карамзина, А. И. Тургенева и других корреспондентов сведения о «беспутном образе жизни» молодого Пушкина⁴⁴ и не одобряя этого, восторженно отзывался обо всех его больших и малых произведениях, кроме фрондерской оды «На свободу». Тем не менее в своей критической статье о «Кавказском пленнике» Вяземский имел намерение упрекнуть Пушкина за то, что он «окровавил последние стихи своей повести»: «Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он,

Как черная зараза,
Губил, ничтожил племена?

От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей...»⁴⁵. Правда, Вяземский понимал, что об этом

⁴² Карамзину был не по душе и «безрассудный» образ жизни, и фрондерские эпиграммы, и «ода на вольность», и все поэмы. «Руслана и Людмилу» он называл «поэмкой» и находил в ней «живость, легкость, остроумие, вкус», но «мало интереса» — «все сметано на живую нитку» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 290). О «Кавказском пленнике» писал П. А. Вяземскому: «...слог жив, черты резкие, а сочинение плохо; как в его душе, так и в стихотворении нет порядка» (Син. Т. 1. С. 131). Прочитав «Бахчисарайский фонтан», Карамзин спрашивал Дмитриева: «Полюбился ли тебе “Фонтан” Пушкина? Слог жив, черты прекрасные, но в целом не довольно силы и связи» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 370—371). Узнав о ссылке Пушкина в Михайловское, Карамзин возмущенно писал Вяземскому: «Он не сдержал слова, им мне данного в тот час, когда мысль о крепости ужасала его воображение: не переставал врать словесно и на бумаге...» (Син. Т. 1. С. 156). И наконец, в декабре 1824 г., познакомившись с «Цыганами» и первой главой «Онегина», Карамзин, по сути, повторил свой первый отзыв о первой поэме Пушкина: «Живо, остроумно, но не совсем зрело». Здесь же Карамзин уничтожающе отзывался о Байроне: «...его “Дон Жуан” выпал у меня из рук. Что за мерзость! И даже сколько глупостей!» (Там же. С. 159).

⁴³ См. подробнее: *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Дмитриев // РЛ. 1966. № 4. С. 19—36.

⁴⁴ ОА. Т. 1. С. 174.

⁴⁵ Там же. Т. 2. С. 274—275.

в статье даже и «намекнуть нельзя будет». Отзыв этот, свидетельствующий о важности для Вяземского политической и нравственно-идеологической позиции поэта, просветительских идей, остался лишь в частном письме к Тургеневу.

Лето и осень 1824 г. прошли для Пушкина в тревогах, однако написанное в эти месяцы свидетельствует о гигантском росте его таланта. Вяземскому нравилось все. Он советует Пушкину собрать все элегии, три поэмы, отрывки из «Онегина» и издать вместе с присокуплением стихов. Сам Вяземский в это время вел переговоры с Н. А. Полевым об издании с 1825 г. нового журнала «Московский телеграф». В № 4 этого журнала появилась статья Вяземского «Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен».

Автор статьи снова вступает в полемику с Булгариным, который с начала 1825 г. начал печатать в журнале «Северный архив» статью «Критический взгляд на X и XI томы “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина»⁴⁶. Булгарин упрекал Карамзина за то, что он «представил Бориса Годунова умным злодеем на престоле». Но, по мнению Булгарина, «красноречивые порицания историка не затмевают великих дел Годунова; выходки противу его правления и характера блестящи, но слабы и недостаточны»⁴⁷. Карамзин в письме к Дмитриеву от 18 февраля 1825 г. писал: «Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими литературными забияками. Пусть их единоборствуют! Ты говоришь о нападках Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывали: Магницкий etc. etc. вступаются будто бы за Иоана Грозного. И тут ничего не предпринимаю: есть Бог и царь!»⁴⁸

Кроме того, Булгарин в № 2 «Сына отечества» за 1825 г. в «Письме на Кавказ» утверждал, что в России «есть поэты, выше Жуковского и Пушкина», а в № 3, оценивая новые басни Крылова, напечатанные в «Северных цветах»⁴⁹, писал: «Они прекрасны, замысловаты, но... право, не хочется высказать, — по рассказу не могут сравняться с прежними его баснями, в которых с прелестью поэзии соединено что-то русское, национальное. В прежних баснях И. А. Крылова мы видим русскую курицу, русского ворона, медведя, соловья и т. п. Я не могу

⁴⁶ СА. 1825. Ч. 13, № 1. С. 60—84; № 2. С. 182—201; № 3. С. 271—278; Ч. 14, № 6. С. 176—197; № 8. С. 362—372.

⁴⁷ Там же. 1825. Ч. 13, № 1. С. 62.

⁴⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 391.

⁴⁹ В альманахе «Северные цветы» на 1825 г. было напечатано 5 басен: «Лев состарившийся», «Богач и поэт», «Лисица и осел», «Муха и пчела», «Прихожанин». Все, кроме второй, — из заимствованных; все, кроме последней, не очень удачные и не обратившие на себя внимания.

хорошо изъяснить того, что чувствую при чтении его первых басен, но мне кажется, будто я где-то видел этих зверей и птиц, будто они водятся в моей родительской вотчине»⁵⁰.

Вяземский ответит Булгарину и по поводу Пушкина, и по поводу Жуковского, но наиболее остро по поводу «литературного патриотизма, который даже и у немцев и англичан мог бы показаться баснословным». И далее, процитировав приведенный выше абзац о Крылове, Вяземский пишет об авторе «Письма на Кавказ»: «Он не довольствуется отечественным пантеоном; он требует еще и отечественного зверинца, отечественного курятника, отечественного птичника. По нем сохрани Боже, чтобы русский баснописец употребил в басне своей, например, цесарскую курицу или швабского гуся; нет, — давай ему непременно куриц русских, гусей русских; поэтический желудок его не варит других, кроме русских. <...> Первые басни г. Крылова нравились литератору-патриоту, но чем? Ему казалось, что герои оных водились в его родительской вотчине. Искренно поздравляем нашего Аристарха — помещика с родительскою вотчиною: не каждому литератору можно похвалиться подобною собственностью <...>. Понимаем также, что для образованного помещика очень приятно иметь домашнего Лафонтена биографом-живописцем господского птичьего двора...»⁵¹

Как видим, у высокородного князя Вяземского утрированный патриотизм сомнительного русского «образованного помещика» вызывал саркастическое отвращение. Вяземский, как уже отмечалось, вообще терпеть не мог народно-патриотических заклинаний. За подделку, как он считал, под народный язык не любил он и Крылова. В позднейшей «приписке» к этой статье Вяземский писал: «Боже мой, до каких гнусностей может довести патриотизм, то есть патриотизм, который зарождается в некоторых головах, совершенно особенно устроенных»⁵².

Пушкин получил № 4 «Московского телеграфа» со статьей Вяземского в конце марта. К Булгарину он относился в это время достаточно терпимо. Критические статьи Булгарина в «Сыне отечества» были вполне благосклонны к Пушкину. В частном письме к нему от 25 апреля 1825 г. Булгарин писал, что считает его ПОЭТОМ, написав это слово большими буквами и подчеркнув тремя чертами (Акад. Т. 13. С. 168).

Читал ли Пушкин критику Булгарина и его восторженные слова о Крылове непосредственно в «Сыне отечества» или он обратил на

⁵⁰ СО. 1825. Ч. 99, № 3. С. 313.

⁵¹ *Вяземский П. А.* Соч. Т. 2. С. 104.

⁵² Там же. С. 105.

них внимание только после цитаты Вяземского — и в том и в другом случае Пушкин готов был посмеяться вместе с Вяземским над неуклюжими похвалами Булгарина, который встречал крыловских «зверей и птиц» в своей «родительской вотчине». 27 марта 1825 г. Пушкин писал брату Льву: «Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — а у меня нет родительской деревни с соловьями и медведями» (Акад. Т. 13. С. 158).

Самому Вяземскому Пушкин ответил на его статью лишь 25 мая. Более всего поэта затронуло сопоставление его и Жуковского. Пушкин не боится сказать, что считает себя не «следствием», а «учеником» Жуковского. Более того: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его» (Акад. Т. 13. С. 183). Возражать Вяземскому по поводу «литературного патриотизма» Булгарина и Крылова Пушкин не захотел.

В это же самое время Пушкин вступает в полемику с А. А. Бестужевым, не соглашаясь с его статьей «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». Он опровергает мнение автора статьи: «у нас есть критика, а нет литературы» и именно Крылова наряду с Державиным считает доказательством существования русской литературы. А вот настоящей критики, по мнению Пушкина, у нас нет: «Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который [в басне] столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо» (Акад. Т. 13. С. 178).

Тогда же в письме к Дельвигу Пушкин дает свою удивительную характеристику Державина: «Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. <...> ...его гений думал по-татарски, а русской грамоты не знал за недосугом. <...> Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом...» Интересно и его замечание о Крылове: «Его Мельник хорош, как Демьян и Фока» (Акад. Т. 13. С. 182).

Басню «Мельник» Пушкин прочитал в «Полярной звезде» на 1825 г. Там же была напечатана и басня «Ворона». Очевидно, обе эти басни не понравились Пушкину. Отсюда и упоминание о «Демьяновой ухе» (1813). Пушкин уже использовал иронически ситуацию этой басни, назвав брата Льва *Фокой*, когда посылал ему в 1822 г. две свои эпиграммы, сопровождая их словами: «покушай, пожалуйста».

В начале 1825 г. в Париже вышло любопытное издание басен Крылова: «Fables russes, tirées de Recueil de M-r Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M-r Lemontey, et d'une préface italienne de M-r Salfi. Publiées par M-r Orloff. Ornées du portrait de M-r Kriloff et de cinq gravures». Об этом Вяземскому сообщил А. И. Тургенев в письме от 15 апреля 1825 г. Там же он иронизировал над графом Г. Орловым: «Каков граф Орлов! Каков некогда Гриша, ныне автор, меценат, издатель и писатель, но все ли едва ли и читатель!»⁵³

В собрание вошло 86 оригинальных басен Крылова на русском языке и их стихотворные переложения на французский и итальянский. Предпослано, кроме предисловия Лемонте, еще «посвятительное письмо» И. А. Крылову графа Орлова, выдержанное в весьма панегирическом и патриотическом тоне: «Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русского меча, узнают, что сей народ, благочестивый и преданный отечеству и царю, не лишен также и изящных дарований, что он имеет своих поэтов»⁵⁴.

Перевод на русский язык предисловия Лемонте был напечатан в № 13 и 14 «Сына отечества» за 1825 г. Пушкин, как известно, заинтересовался этим предисловием. Как предполагает Б. В. Томашевский, интерес Пушкина вызывал прежде всего сам автор. Еще в июле 1824 г. он писал Вяземскому: «Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его Обзорение царствования Людовика XIV, и ты поставишь его выше Юма и Робертсона» (Акад. Т. 13. С. 102)⁵⁵. Однако предисловие Лемонте к басням Крылова, которое Пушкин прочел только в переводе, разочаровало его. Он откликнулся на него статьей «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», посланной в «Московский телеграф». «Читаешь его статью, — писал Пушкин о Лемонте, — с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто отмалчивается» (Там же. Т. 11. С. 31). Спор с Лемонте — это, по сути, спор о судьбе русского языка. Что касается Крылова, то Пушкин пишет о нем лишь в самом конце: «В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Ор-

⁵³ ОА. Т. 3. С. 114.

⁵⁴ Цит. по: *Бычков А. Ф.* О баснях Крылова в переводах на иностранные языки. С. 87—90.

⁵⁵ См. также: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 7. С. 656, коммент. Б. В. Томашевского.

лова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературой Севера. Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов» (Там же. С. 34).

Вяземский получил № 17 «Московского телеграфа» со статьей Пушкина в конце сентября и уже в письме от 16 октября 1825 г. писал: «Твоя статья о Лемонтее очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова? Следовательно, и Орловский представитель русского народа. Как ни говори, а в уме Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами, все это перемешано вместе. Может быть, и тут есть черты народные, но по крайней мере не нам признаваться в них и не нам ими хвастаться перед иностранцами. <...> Назови Державина, Потемкина представителями русского народа, это дело другое; в них и золото, и грязь наши *par excellence*, но *представительство Крылова* и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление *de lèze-nation*, тобой совершенное» (Там же. Т. 13. С. 238).

Как видим, Вяземский, очевидно, разделял пушкинскую концепцию формирования русского языка. Но оценка Пушкиным Крылова как «представителя», то есть носителя типичных национальных черт русского народа, возмущает Вяземского. Во-первых, он не согласен видеть в Крылове явление типичное для русской литературы и истории. Во-вторых, те черты Крылова, которые Пушкин называет «лукавством ума» и «живописным способом выражаться», для Вяземского означают, по сути, «брань из-за угла, трусость перед господами». Вяземский называет эти черты ума «лакейскими» и полагает, что даже если в этом «есть черты народные», хвастаться таковыми перед иностранцами не следует. Подобное деяние он готов признать чуть ли не национальным «преступлением».

В этой чрезвычайной резкости Вяземского звучит, конечно, старая неприязнь к Крылову и противопоставление его басен басням Дмитриева, чей слог для Вяземского и всех «арзамасцев» всегда считался эталоном. И это в противоположность Пушкину, который терпеть не мог Дмитриева как поэта, помнил его неприязненные отзывы на «Руслана

и Людмилу» и имел основание полагать, что и на прохладные оценки его поэм Карамзиным могло повлиять мнение Дмитриева.

Кроме того, для Вяземского Крылов всегда оставался человеком другой партии, «беседчиком», реакционером, врагом просвещения, смеявшимся над Вольтером и вообще над философией. Вяземский, как уже отмечалось, неоднократно высказывал это в частных письмах и повторил в позднейших своих замечаниях о Крылове⁵⁶.

Пушкин отвечал Вяземскому в ноябре 1825 г., когда заканчивал «Бориса Годунова» и проблема «мнения народного» остро стояла перед ним: «Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа — не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. — В старину наш народ назывался смерд (см. госп<одина> Кар<амзина>). Дело в том, что Крылов преоригинальная туша, гр<аф> Орлов дурак, а мы — разини и пр. и пр...» (Акад. Т. 13. С. 240).

Используя финальную фразу из крыловской басни «Совет мышей», Пушкин как будто соглашается с Вяземским, что есть у Крылова неприятные черты, о которых он, Пушкин, «знает» сам. Но что поделаешь, Крылов для него — свой человек, «представитель духа русского народа», и каким бы ни был этот «дух», даже скверным, его надо принимать как есть. Пушкин и позже называл Крылова «самым народным нашим поэтом», которого читают «и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горнишная, и дети» (Акад. Т. 11. С. 154).

Нам не известно никаких конкретных высказываний Пушкина о политических и идеологических баснях Крылова («Конь и всадник», «Огородник и философ», «Сочинитель и разбойник», «Листы и корни» и т. п.). Он ни разу не упоминает и самых популярных басен с русскими курицами, медведями, соловьями. По свидетельству П. В. Нащокина, Пушкин «не уважал нравственных достоинств в Крылове»⁵⁷. Это сказано, может быть, и слишком прямолинейно, но известная доля иронии в отношении «преоригинальной туши» определенно у Пушкина была.

Вяземский при всем своем сдержанном и пристрастном отношении часто высказывал свое мнение о конкретных баснях Крылова, следил за изданиями его басен, цитировал их, просил прислать и иногда даже переписать их. Но до конца дней отдавал предпочтение Дмитриеву⁵⁸.

⁵⁶ Наиболее подробно в «приписке» 1876 г. к статье о Дмитриеве.

⁵⁷ См.: *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 363.

⁵⁸ Сын П. А. Вяземского Павел вспоминал много лет спустя, что его в детстве «заставляли учить наизусть апологи Дмитриева, чтение же басен Крылова едва допускалось» (*Вяземский П. П.* Собр. соч. СПб., 1893. С. 511).

После декабря 1825 г. в настроениях русского общества многое переменилось. И как-то символично «Новое, исправленное и пополненное издание басен Ивана Крылова» открывалось басней «Конь и всадник». Издание готовилось долго: цензурное разрешение получено 30 августа 1824 г., но вышло из типографии Департамента народного просвещения оно только 20 марта 1826 г.⁵⁹ Как нельзя более кстати для нового императора!

В последнем до декабрьских событий письме к Вяземскому Пушкин послал ему для печати «несколько эпиграмм», которые точнее было бы назвать маленькими апологами («Движенье», «Соловей и кукушка», «Совет» и др.). Написаны они скорее в дмитриевском, чем в крыловском стиле. Никакого специфического *русского духа* в них нет. После 14 декабря переписка Пушкина и Вяземского прервалась на несколько месяцев. В это время Пушкин в переписке с другими лицами (Жуковским, Дельвигом, Плетневым) выражал надежду на «великодушие молодого нашего царя». Трагический колорит первых месяцев 1826 г. усугубила последовавшая в мае смерть Карамзина. В связи с повышенным вниманием к жизни и делам историка, очевидно, опять всплыли в литературных кругах старые эпиграммы Пушкина на Карамзина: «Послушайте, я сказку вам начну...» (1816), «В его “Истории” изящность, простота...» (1818). А. И. Тургенев возмущался ими в письмах к Вяземскому еще в апреле 1825 г.⁶⁰ 12 июня 1826 г. Вяземский писал Пушкину: «Хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения, ты оплакал его смерть сердцем и умом...» (Акад. Т. 13. С. 284). Пушкин, не отрицая своего авторства, объяснял в свое оправдание, что Карамзин «отстранил» его от себя и оскорбил тем самым его «честолюбие и сердечную к нему привязанность» (Акад. Т. 13. С. 285—286). Вяземский напрасно беспокоился о реакции Пушкина на смерть Карамзина. Пушкин, особенно после работы над «Борисом Годуновым», прекрасно понимал, что значит Карамзин для русского просвещения. Он пытался по совету Вяземского писать о Карамзине, но с первого раза не получилось. Уже после поездки в Москву, по окончании ссылки, он пишет Вяземскому: «Сейчас перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого NB ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета» (Акад. Т. 13. С. 305).

⁵⁹ См. библиографическое описание А. П. Могилянского в кн.: *Крылов И. А.* Басни. М.; Л., 1956. С. 294 (Лит. памятники); также: *Кеневич В. Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. С. 146—147.

⁶⁰ См.: ОА. Т. 3. С. 117.

Конечно, возобновлять спор о Дмитриеве было бы нелепо. События развивались чрезвычайно быстро. В ноябре 1826 г. Пушкин по предложению Николая I написал записку «О народном воспитании» и в этом сухом и беглом обзоре русского просвещения дал, может быть, самый смелый и информативный отзыв об «Истории» Карамзина: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. “История государства Российского” есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» (Акад. Т. 11. С. 47).

С годами смягчалась позиция Пушкина по отношению к Дмитриеву. Мнение о Крылове не изменялось. Для Пушкина он навсегда остался «самым народным нашим поэтом». Не изменил своего неприязненного отношения к Крылову и князь Вяземский. В «приписках» к своим старым статьям в 1876 г. Вяземский, скорее, даже усилил негативные черты Крылова и подчеркнул, что не принимал именно его идеологии («мотива, направления»). О спорах с Пушкиным, и литературных, и политических, и человеческих, Вяземский вспоминал неоднократно до самого конца своей долгой жизни: «Споры наши бывали большею частью литературные. В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах. Он, хотя вовсе не славянофил, примыкал нередко к понятиям, сочувствиям, умозрениям, особенно отчуждениям, так сказать, в самой себе замкнутой России, то есть России, не признающей Европы и забывающей, что она член Европы: то есть допетровской России...»⁶¹. К числу таких «чисто русских вопросов», несомненно, в сознании Вяземского принадлежал и спор о Крылове.

Впрочем, Вяземский несколько раз упоминал в своих «Записных книжках», что Пушкин иногда «сильно русофильствовал и громил Запад»⁶². Сам Вяземский смолоду, как уже было сказано, терпеть не мог «литературного патриотизма», русофильских и патриотических заклиний вообще, а особенно — стихов. В 1831 г. Вяземский осудил, как он выразился, «шинельные стихи» Жуковского. Тогда же он очень резко высказался и о патриотических стихах Пушкина («Бородинская годовщина» и «Клеветникам России»), но не решился сообщить свое мнение адресату, опасаясь николаевской почты. «За что *возрождающейся Европе* любить нас? — спрашивает Вяземский, — Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? <...> *Народные витии*, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как

⁶¹ Вяземский П. А. Соч. Т. 2. С. 278.

⁶² Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 166.

вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные вашим»⁶³. Как видим, князь Вяземский все-таки слукавил в 1876 г., когда написал, что *политических* разногласий у него с Пушкиным не было.

Позже, где-то в 1850-е гг., когда снова время от времени возникали патриотические споры, Вяземский записал:

Выражение *квасной патриотизм* шутя пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды.

Но есть и сивушный патриотизм; этот пагубен: упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная.⁶⁴

Ненависть к этому «сивушному» патриотизму П. А. Вяземский пронес через всю жизнь.

⁶³ Цит. по: П. в восп. Т. 1. С. 163—164; в «Старой записной книжке» смягченный вариант, см.: *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. С. 635—636.

⁶⁴ *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. С. 138.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009